

2. Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. – М.: Наука, 1990. – 324 с.
3. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40-41). // <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html>
4. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. / Пер. с нем. Б.Н. Бессонова. – М.: «Прогресс», 1988. – 704 с.
5. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального II: Размышления о Всемирном торговом центре – третья версия. // <http://anthropology.ru/ru/texts/zizek/reflections.html>
6. Нора П. Всемирное торжество памяти. // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40-41). // <http://magazines.ru/nz/2005/2/nora22.html>
7. Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – С. 17-50.
8. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти). // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2001. – Вып. 7.
9. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 56 с.
10. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40-41). // <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
11. Хаттон П. История как искусство памяти. – М.: Издательство «Владимир Даль», 2004. – 424 с.

Рецензент: кандидат философских наук, доцент Фисун А.А.

УДК 130.3

Мелякова Ю. В.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА НОСТАЛЬГИРОВАНИЯ

Статья посвящена методологии понимания ностальгирования как особого коммуникативного опыта. Осуществлён анализ принципов герменевтической логики, онтологии и феноменологии относительно проблемы ностальгирования. Таким образом, данная работа, выполненная в рамках социальной философии, открывает перспективы в области исследования ностальгического дискурса.

Ключевые слова: понимающее ностальгирование, деонтологическая логика, симуляция, вечное возвращение, ностальгический дискурс.

Стаття присвячена методології осмислення ностальгування у його розумінні як особливого комунікативного досвіду. Здійснено аналіз принципів герменевтичної логіки, онтології та феноменології стосовно проблеми ностальгування. Отже, дана робота, що виконана в рамках соціальної філософії, відкриває перспективи в області дослідження ностальгічного дискурсу.

Ключові слова: розуміюче ностальгування, деонтологічна логіка, симуляція, вічне повернення, ностальгічний дискурс.

The article is devoted to methodology of comprehension nostalgia as activity the specific communicative experience. This article conducted the analysis of the principle of hermeneutical logic, ontologic and fenomenologic in regard to the problem of nostalgia. Thus the present paper carried out within the social philosophy opens perspectives in the sphere of nostalgic discourse researches.

Key words: understanding nostalgia, deontological logic, simulation, eternal return, nostalgic discourse.

На первый взгляд, термин «ностальгирование» имеет достаточно определённое, устойчивое значение, обладающее лирической или психологической окраской – это глубоко эмоциональная рефлекслирующая деятельность, коррелятом которой для человека выступает моральное оправдание и спасение. Ностальгирование проявляет себя во многих областях индивидуальной и социальной духовной практики: в искусстве, науке, философии, религии,

идеологии, социально-бытовой сфере (общественное мнение, публицистика, политика, мода и т.п.). В психологическом смысле, ностальгирование есть соблазн возвращения к прошлому в смиренной обречённости дальнейшего существования. В позитивном же смысле – осознание безнадёжности и необратимости бытия. Однако, *проблемность* понимания ностальгирования связана с рассмотрением его нами в социально-философском ракурсе – как способа бытия интерактивного субъекта.

Степень изученности проблемы. Само понятие ностальгии традиционно находит рассмотрение в психологии, этике, искусствознании, то есть областях, имеющих к философии формальное отношение и, частично, в области практической философии – как ощущение, чувство, стиль поведения. В круг проблем социальной философии и философии истории ностальгирование входило лишь косвенно – в русле исследования исторической традиции и традиционализма. В данной статье проблема ностальгирования получает дальнейшую разработку на базе онтологических концепций Ж. Делёза, Е. Маковецкого, герменевтической логики С. Гусева, герменевтической феноменологии Г. Шпета – в качестве личного и социального феномена.

Теоретическую актуальность проблемы ностальгирования обеспечивает возрастающее в данный момент внимание к природе «возможного», в лучах проблематики которого и изучаются нами онтология и логика ностальгирования как одной из форм «бытия возможного» для субъекта, пребывающего «здесь-сейчас». Кроме того, ностальгирование, взятое в аспекте социального бытия, вопреки привычному романтическому его пониманию (углубление, укоренение), открывает в деконструктивизме новый свой смысл – вечного возвращения как симуляции «я»-прошлого (скольжение по поверхности). Это актуализирует значение ностальгирования в качестве одного из видов коммуникации.

Ностальгирование – одна из фактических (в хайдеггеровском значении) характеристик бытия. Тем не менее, ни в одной из областей философского знания не осуществлено проникновение в онтологический (возможно, деонтологический) смысл этого понятия, в том числе в социальной философии. Исходя из этого, мы ставим перед собой *цель* осуществить теоретический анализ ностальгирования как интеллектуальной, духовной, психической и социальной практики в ключе онтологической, логической и герменевтической методологий.

Предположим, герменевтический метод поможет нам раскрыть онтологическую (деонтологическую) природу ностальгирования как способа бытия субъекта в социуме. «Схватыванию» того или иного социального феномена способствует не только порядок пространственно-временного континуума, в котором этот феномен пребывает, но, в большей степени, особое внутреннее состояние интериоризирующего субъекта, его сконцентрированность на прошлом, сравнительно-аналитический принцип оценки реальности. Ностальгирование задаёт свою логику понимания действительности – особую герменевтическую логику. Поэтому изначально одной из важнейших задач тематизации ностальгирования в социальной философии является не феноменологический, не психологический, а онтологический подход к ностальгированию с выраженным приоритетом герменевтического метода, что, отчасти, переводит нашу рефлексию по поводу ностальгирования в русле онтологической герменевтики.

Сущее пульсирует парадоксом. Мысль устремляется вслед сущему, и отбрасывает тень – нечто, называемое метаморфозой, несхваченное и неопределимое, гибкое и становящееся, бесконечное множество выражений. Это возможность перехода от динамики к статике не боясь утраты смыслового импульса, ритма жизни. Тень, отбрасываемая мыслью есть метаморфоза ускользнувшего сущего – длящееся ностальгирование о нём. Согласно Е. Маковецкому, в статике эффект, вызываемый движением мысли вслед парадоксу, выглядит как тень, а затем – как то, что её отбрасывает [7, с. 9]. Путь от динамики парадокса к статике светотени – это путь

от универсальной мысли к индивидуальности внутреннего действия [там же, с. 9]. Метаморфоза же взята Е. Маковецким либо, как деконструктивный делёзовский метод, либо, как состояние сущего (мысли), отличное как от хаоса, так и от порядка и удерживаемое в своём единстве лишь ритмически.

Метаморфоза присуща поверхности. Сама же поверхность противостоит выражению сущего: в этом основа делёзовской логики смысла. «Смысл – это не то, что можно открыть, восстановить и переработать; он – то, что производится новой машинерией. Он принадлежит не высоте или глубине, а скорее поверхности, которая и есть его собственное измерение» [4, с. 105]. У Ж. Делёза мы встречаем указание поверхность первого порядка – сексуальную, и поверхность второго порядка – метафизическую [4, с. 287]. Последняя – это поверхность мысли. Именно на этой поверхности разворачивается метаморфоза ностальгирования об утраченных вещах, полагание бестелесного. Применение деконструктивного метода к пониманию ностальгирования позволяет нам показать, каким образом иносказания поверхности возрождают, а точнее провоцируют самовыражение, утраченных сущностей.

Беря за основу констатируемый Ж. Делёзом принцип двойственности прочтения мира, мы находим ностальгированию место в одном из этих миров. Первый мир – мир, задаваемый идеями и копиями, мир как икона; второй – мир симулякров [6, с. 329-341]. Ностальгический мир – бытие симулируемых вещей. Ностальгирование само по себе обусловлено острым желанием повторения. В «Различии и повторении» Ж. Делёз выделяет три формы повторения: первая – повторение, вызванное незнанием, неприпоминанием, нехваткой – негативное; вторая – повторение в процессе становления-развития, сродни диалектическому повторению содержания на различных стадиях изменения формы; и, наконец, третья – повторение в вечном возвращении [5, с. 354-357]. Именно последняя форма повторения адекватна идее ностальгирования.

Вечное возвращение утверждает различие, то есть симулякр. Только симулируемое, не подкреплённое никаким основанием, сохраняется вечным возвращением. Симулякр – вещная жизнь идеи в модусе вечности идеи и изменчивости вещи. Как отмечает Е. Маковецкий, онтологически симулякр застрахован «ненадёжностью» симулируемой им вещи. Он и жив и мёртв, он «то» и «не то», он вещь и не вещь одновременно [7, с. 15]. Ностальгируемое полотно суть симулякр, метаморфоза статичной поверхности мысли. Именно ностальгическое повторение представляет собой один из способов вечного возвращения. Это возвращение сознательное, к уже известному, желаемому, ожидаемому, возвращение не ведущее к развитию, не созидающее нового. Ностальгирование – возвращение ради самого возвращения, чистое возвращение. Целью его является не результат, но своего рода эффект инобытия, иллюзия глубины на плоской поверхности мысли, ощутить которую оказывается возможным в процессе почти духовной практики рефлексии об утраченном.

Не будет заблуждением назвать ностальгирование как способом бытия, так и особым образом мысли, логика которого деонтологична. Деонтологическая логика – логика не действительного, но утраченного – это логика экзистирования за предел сущего. И хотя ностальгирование признано нами вечным возвращением, которое сопровождается эффектом инобытия агента в реальности минувшего, тем не менее, именно симулятивность ностальгических образов и явное отсутствие копий и вещей, им предшествовавших, как раз и подтверждает здесь-бытие агента ностальгирующего. Он, как таковой, переживающий метаморфозу ускользнувшего сущего, по сути своей онтологичен. Деонтологичны природа ностальгического полотна и его логика. Ностальгирование есть один из способов нашего бытия здесь и теперь, когда сознание в прошлом, но способ сложный, отягощаемый эмоциональной печалью и страхом перед реальностью происходящих событий.

Герменевтика рассматривает ностальгирование как понимающее бытие. Понимание и интерпретация есть метод и технология осмысления, выступающие предметом герменевтических исследований. Ностальгирование представляет собой скорее интеллектуально-духовную практику, направленную на истолкование опыта на уровне психологической влюблённости и моральной надежды на спасение. Речь идёт об истолковании как индивидуального духовного опыта, так и социального, во втором случае – это уровень социального ностальгирования (об этом ниже – Ю. М.). Герменевтические технологии прилагаются к тексту, могущему иметь различную природу. Так, само понимающее ностальгирование обуславливает характер текста, предпочитая эмпирическому символическому. Это онтологически роднит понимающее ностальгирование с «действенно-историческим сознанием» у Г. Гадамера [1, с. 192]. Последнее, в свою очередь, означало «включенность» в историю нашего наличного бытия через осознание предшествующего духовного опыта, чем обеспечивается жизнеспособность нынешнего состояния и осуществляется непрерывное культурное наследование.

Помимо образа интерпретатора, текст несёт в себе и образ слушателя, тип определённой аудитории. Этот «образ аудитории», скрытый в тексте, можно реконструировать путём определения характера коллективной памяти как набора определённых стереотипических значений, необходимых для понимания данного текста. Текст представляет собой коммуникативную модель, объединённую идеей понимания [10, с. 207]. Идея диалогической герменевтики даёт нам возможность возвращения к опыту, но не к изолированному опыту единичного «я», зависшего в нейтральной среде, а живому опыту общения. Человеческая самость в равной степени, как и текст, подвержена интерпретации. В опыте ностальгирования «я» испытывает свои границы и свободу, соотносит своё содержание с другими «я», в ходе чего рождаются новые смыслы, расширяется горизонт сознания. По мнению Г. Шпета, который выделял «я» эмпирическое и «я» феноменологическое (эйдетическое), самость человека подвержена самоинтерпретации и самопониманию [9, с. 35-40]. Индивидуальное же самопонимание, то есть постижение смысла самого себя, происходит в процессе генетического осознания человеком собственной причинности и желания обратимости, желания возврата к своей «сущности», или, точнее, вечного и безуспешного её поиска.

Кроме того, осмысление самого себя, осуществляемое в постоянном обращении не только к личному, но и к социальному опыту, формирующему субъекта. И даже именно потому, что сознание выступает как «коллективный предмет» (шпетовское – Ю. М.), за которым стоит со-знание, со-причастие и со-участие, сами по себе ушедшие социальная среда, климат и стереотипы притягивают нас гораздо сильнее, чем *Я* как таковое. Они замыкают субъекта на себя в ностальгировании, вызывая в нём неудовлетворённость самим собой и симуляцию надежды. В этом смысле, само *Я*, как единство множества других «единств сознания», есть коллектив и собрание. «Такие понятия, как «моя родина», «моё моральное сознание», «моя свобода», «моё право», «мои политические убеждения» или «моя служба», не только не указывают на меня как на «собственника», – писал Г. Шпет, – но прямо внушают мысль о моём участии в соборных отношениях» [8, с. 108-110]. Исходя из понимания сознания в том числе как социального, коллективного предмета, допустимым представляется выделять, с одной стороны, количественные разновидности ностальгирования – индивидуальное и коллективное. С другой стороны, качественные его разновидности – в зависимости от особенностей социального эффекта – ностальгирование, которое разделяет, и ностальгирование, которое сплавливает. Последнее направлено именно на коллективный опыт и типы коллективного сознания, сопричастностью которым характеризуется ностальгирующий социальный субъект.

Определим логику ностальгирования как деонтологическую, то есть коррелирующую смыслы действительного и смыслы желаемого. Уместно рассмотрение её в теоретическом русле логики возможных миров (Сидоренко Е.А. Логика. Парадоксы. Возможные миры. – 2002. – 312 с.; Гусев С.С. Смыслы возможного. – 2002. – 382 с.). Так, С. Гусев, к примеру, вводит в семиотический горизонт некую «отсутствующую» действительность, каждый фрагмент которой характеризуется модальностью возможного. «Отсутствующая» действительность обнаруживает себя как в настоящем, так и в будущем, и одинаково существенно влияет на взаимодействие человека с миром, на его онтологический статус «здесь» и «теперь» [2]. Настоящее, в котором всегда пребывает человек, обнаруживает себя в качестве синхронной проекции будущего и прошлого. С чем бы ни имел дело индивид, – всё является следами чего-то «отсутствующего» здесь-сейчас. Реальный мир является совокупностью множества следов «отсутствующего». След, как утверждает С. Гусев, есть одновременно «присутствие отсутствующего», знак, по которому люди узнают о существовании чего-то, что явно не дано в актуальном восприятии [2, с. 249]. Смысл многих давних рассуждений часто раскрывается в контексте действий последующих поколений. Это происходит в результате развития и реализации каких-то потенциальных идей, существовавших в прошлом в качестве возможности, а затем в новых условиях превратившихся в действительность.

Ориентируясь на «отсутствующую» действительность будущего, а не прошлого, человек оказывается в ситуации выбора. Эта ситуация, по своей сути, всегда связана с определённой иерархизацией элементов изначального набора вариантов, предполагающий оценивание человеком какого-то из этих элементов как «перспективного». Иная ситуация возникает там, где полученный результат весьма существенно отличается от предсказанного. Обнаружение данного обстоятельства обуславливает переход к другим возможностям, хранящимся в «запаснике». По сути, каждая форма конкретно представленной действительности в той или иной степени противоречит «отсутствующему», то есть «возможному» и в то же время порождает стремление к своему «другому». То, что «есть» не тождественно тому, что «могло бы быть». То, что «будет» является уничтожением того, что «есть». Будущее присутствует в настоящем в качестве спектра «ожиданий» [2, с. 259-261]. Однако, опыт ностальгирования показывает, что прошлое также присутствует в настоящем в качестве противоположно направленного спектра «ожиданий». В этом смысле действительность никогда не бывает чем-то стабильным, завершённым. Постоянная инверсия «наличия» и «отсутствия» обычно не бросается в глаза, однако, отчётливо проявляется в символическом бытии.

Когда объектом, на который направлены рационально-познавательный интерес, духовная симпатия и фантазия человека, выступает будущее, создание «возможных миров», оперирование воображаемыми объектами и процессами – расширяет человеческий опыт, подготавливает к неким новым формам практики. Предварительное теоретическое знакомство с самыми различными возможностями, скрытыми в окружающей действительности, обеспечивает возникновение косвенного слоя значений и смыслов, который приуготовливает сознание человека к надвигающимся изменениям [2, с. 288]. В противном же случае, неспособность или нежелание к приспособленчеству, по мнению многих футурологов и аналитиков, могут поставить под угрозу (во всяком случае, существенно усложнить) существование человечества в изменённых условиях жизни.

Существенно, что ностальгирование, рассматриваемое нами как способ бытия, несмотря на обратно направленный вектор интереса, в прошлое, тем не менее, не мешает социо-культурной адаптации субъекта. Напротив, ностальгические образы, выступающие как вполне полноценная форма «возможного», позволяют субъекту избавиться от иллюзий относительно будущего и утвердиться в здравом осознании его настоящих возможностей и

стремлений. При этом нерациональный характер ностальгирования очевиден. Ностальгическому образу мышления не свойственны каузальность и прагматизм. Природа ностальгического полотна метафорична, зациклена на хорошо знакомые стереотипы и символы, «вспоминание» смысла которых интериоризирует субъекта-ностальгирующего в пространство былого. Именно это позволяет говорить о психологизме ностальгирования.

В качестве своего рода духовно-герменевтической практики, ностальгирование представляет собой изменение способа бытия самого субъекта, то есть изменение его *Я* как ощущения себя в мире. *Я* обнаруживает собственную принадлежность новому смысловому пространству, открывая контексту (или миру) самое себя. Данные метаморфозы, происходящие с субъектом-понимающим/ностальгирующим осуществляются в горизонте соотношения герменевтики и феноменологии. Так, в своё время, именно в аспекте их сближения Г. Шпетом была сформирована его концепция герменевтической феноменологии [9]. Представляется целесообразным принять шпетовское разделение *Я* на непосредственное сознание, или *Я*-феномен (феноменологический подход к сознанию), и на опыт переживаний, или *Я*-эмпирическое (функциональный или интенциональный подход к сознанию) [9, с. 35].

Если на эмпирическом уровне *Я* представлено как «единство переживаний», без которого не возможно сознание, а мир – как опыт пережитого, то феноменальное *Я* не содержит в себе переживаний, поскольку феномен не обладает той семантикой, которая свойственна эмпирическому *Я*. Сама по себе феноменологическая редукция представляет собой способ освобождения *Я* от переживаний. Она устраняет индивидуальный опыт сознания. Гуссерлианское эпохе есть техника «выключения» всего действительного эмпирического мира и открытия эйдетического мира сознания, «мира как эйдоса» [3, с. 12-21].

Ностальгические акты сознания нельзя назвать феноменами, а ностальгическую реальность – эйдосом, поскольку само по себе ностальгирование построено на индивидуальном опыте переживания, неотделимо от него, и, в этом смысле, прямо противоположно феноменологической редукции. Это позволяет предположить нецелесообразность теоретического анализа ностальгирования путём применения феноменологического метода.

Итак, в опыте онтологического осмысления социального феномена ностальгирования мы попытались применить деконструктивный, герменевтический, логический и феноменологический методы. В результате чего приходим к *выводу* о деонтологической природе ностальгической реальности, выступающей в модусе возможного не как мёртвый архаизм, но как коммуникативная реальность, данная в вечном возвращении. Уходя от позитивистского принципа ретроспективной интерпретации прошлого, ностальгирование демонстрирует именно иррациональный элемент его понимания – то, что опирается исключительно на значимость непосредственной и неповторимой собственной экзистенции человека. Практика ностальгирования открывает перед субъектом горизонты социальных и индивидуальных смыслов, что позволяет говорить о ней как о, своего рода, межкультурном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. – М., 1988. – 699 с.
2. Гусев С.С. Смысл возможного. Коннотационная семантика. – СПб., 2002. – 382 с.
3. Гуссерль Э. Феноменология. // Логос. Философско-литературный журнал. – № 1. – М., 1991. – С. 12-21.
4. Делёз Ж. Логика смысла. / Пер. с фр. – М.; Екатеринбург, 1998. – 380 с.
5. Делёз Ж. Различие и повторение. / Пер. с фр. – СПб., 1998. – 384 с.
6. Делёз Ж. Симулякр и античная философия. // Делёз Ж. Логика смысла. – М.; Екатеринбург, 1998. – С. 329-354.

7. Маковецкий Е.А. Социальная аналитика ритма: Жиль Делёз, или О спасении. – СПб., 2004. – 163 с.
8. Шпет Г.Г. Сознание и его собственник. // Шпет Г.Г. Философские этюды. – М., 1994. – С. 20-116.
9. Шпет Г.Г. Явление и смысл. – Томск, 1996. – 192 с.
10. Юркевич Е.Н. Герменевтические идеи в восточнославянской философской традиции. – Харьков, 2002. – 254 с.

Рецензент: доктор философских наук, профессор Юркевич Е.Н.

УДК 130.2

Серовитан С. И.

ИСКУССТВО «ЖИТЬ В МАСКЕ» КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена анализу экзистенциально-антропологического измерения маски как индивидуального способа бытия человека в «мире ролей». Искусство «жить в маске» обосновано как проявление «заботы о себе».

Ключевые слова: индивидуальная маска, социальная роль, «общество спектакля», «забота о себе».

Стаття присвячена аналізу екзистенціально-антропологічного виміру маски як індивідуального засобу буття людини у «світі ролей». Мистецтво «жити в масці» обґрунтовано як вияв «турботи про себе».

Ключові слова: індивідуальна маска, соціальна роль, «суспільство спектаклю», «турбота про себе».

The article is devoted to the analysis of the «mask» phenomenon in its existentially-anthropological dimension as an individual way of human being in the «world of roles». The art «to live in the mask» is founded as a way of the «care about oneself».

Key words: individual mask, social role, «society of performance», «care about oneself».

Актуальность заявленной в названии статьи проблемы определяют особенности современной эпохи, которой свойственны кардинальные изменения в культуре и невиданные ранее темпы и масштабы общественной динамики, касающиеся всех сфер жизнедеятельности человека и в том числе определяющие его индивидуальное бытие в современном мире – «искусство жить». *Цель* данной статьи – раскрыть экзистенциально-антропологическое измерение маски как индивидуального способа бытия человека в «мире ролей».

Жизнь человека является великим искусством. И прав М. Фуко, когда пишет о самореализации как конечной цели жизни любого человека и как форме существования только некоторых [17, с. 293]. Счастливы те, кто к закату своей жизни считают, будто бы они сыграли именно ту единственную роль, которую могли сыграть в своей жизни, т. е. в убеждении, что они, прожив жизнь, экзистенциально преисполнились и свершились. Хотя, возможно, что они могли прожить и множество других жизней. Э. Фромм считает, что «...не только медицина, инженерия или живопись является искусством; *сама жизнь есть искусство*, в сущности самое важное и в то же время самое трудное и самое сложное искусство для человека. Его объектом является ... сама жизнедеятельность, т. е. процесс развёртывания и осуществления всех потенций человека. В искусстве жить человек одновременно художник и модель, скульптор и мрамор, врач и пациент» [16, с. 198].

С «искусством жить» связано принятие человеком на себя ответственности за самого себя и признание, что только собственными силами, своей включенностью, активностью он может придать смысл своей жизни. Ведь отличие собственного бытия и состоит в том, что моё бытие осуществляется только мною и не перепоручается другим, что я как субъект своего бытия осуществляю моё бытие именно как моё. Т. е. человек должен вовлекаться в реализацию